View the original article

КУЛЬТУРА

Русские пространства Алены Махониновой. О смыслах языка, войны и перевода

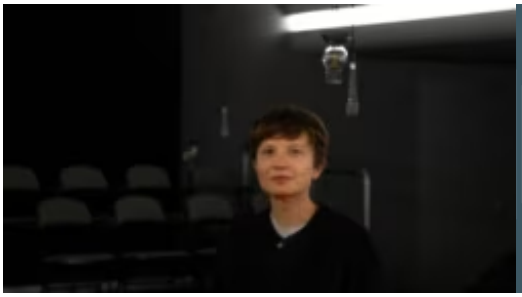
Андрей Шарый

23 августа 2026

В Праге вышел роман Алены Махониновой "Как ты думаешь, что он видит?" @ Petr Kašlal

11-13 сентября в столице Чехии пройдет третья ярмарка "Пражская книжная башня" – крупнейший и, по мнению многих, самый авторитетный смотр свободной русскоязычной литературы, или, по модному ныне выражению, "нового тамиздата". Организаторы характеризуют мероприятие как "место встречи независимых издательств, писателей, книжных магазинов, литературных журналов и тысяч читателей, для которых книга – не просто предмет интерьера".

Pop-out player

Скачать медиафайл

Как говорит руководитель ярмарки **Александра Вахрушева**, в этом году одна из главных тем книжного смотра – разговор о том, как русский тамиздат находит читателей на других языках, а зарубежная литература приходит к русскоязычной аудитории: "К нам приедут иностранные авторы и переводчики. Ярмарка впервые заговорит на разных языках".

Один из этих голосов – чешский филолог и переводчик **Алена Махонинова**, много лет прожившая в России и обобщившая свой опыт понимания этой страны и ее народа в двух романах-эссе. Махонинова представит на ярмарке только что вышедший в петербургском издательстве Ивана Лимбаха русский перевод романа "Хелла", лауреата престижной чешской литературной премии *Magnesia Litera* за 2024 год. Подробно об этом романе и его успехе у читателей Алена Махонинова рассказывала "Свободе" сразу после выхода книги.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Хелла Фришер не была жертвой". Чешский роман об узнице ГУЛАГа

Сегодня мы беседуем с автором теперь уже двух романов о разных переводческих смыслах, влиянии общественных процессов на понимание литературы и происходящих вокруг России событиях.

– Алена, на презентацию "Хеллы" 11 сентября соберутся ваши поклонники и читатели, полагаю, в основном русскоязычные пражане и русские из других стран Европы. Что вам важно будет им сказать? Как вы вызовете у них интерес к своей книге?

– Во-первых, эта книга, хотя она писалась совершенно в другую эпоху, чем та, в которой мы сейчас находимся, еще до февраля 2022 года, сохраняет, на мой взгляд,

актуальность. Может быть, теперь роман актуален даже больше, чем прежде. Центральной темой для меня является роль дома в жизни человека, тема потери и поиска нового дома. Мне кажется, этим сейчас заняты многие. Это и центральная тема для моей главной героини, Хелены Фришер, чешско-немецкой еврейки, которая родилась в Брно, училась в Вене, вышла замуж за поляка, переехала вместе с ним в Советский Союз, где вынуждена была остаться очень надолго. Дом – это большой и больной для неё вопрос, она всю жизнь мечтала вернуться домой, часто писала о том, что хочет вернуться в нигде не существующее для нее "домой". Это сейчас звучит очень актуально, вот совсем недавно в издательстве *Vidim Books* вышел сборник художественной прозы, целиком посвященный этой теме, называется, по-моему, "Номер дома".

Моя книга – и попытка напомнить о том, что из любой жизненной ситуации есть выход. Хелена Фришер, как и многие иностранцы, оказавшиеся в 1930-е годы в Советском Союзе, попала в лагерь, её мужа расстреляли. Это печальная история, но она во многом о том, что даже в таком ужасе можно не прекращать надеяться на лучшее. Для самой Хелены это оставалось важным: Фришер повторяла, что из кошмара лагерей, помимо страданий, она "вынесла" тоже друзей, на всю жизнь.

Этапы творческого пути

Алена Махонинова изучала русский язык и литературоведение в Карловом университете. Больше 15 лет прожила в России, окончательно вернулась в Чехию в 2023 году. Преподавала богемистику в МГУ, специализируется на советском литературном поставангарде. В 2016 году совместно с мужем, переводчиком и литературоведом Яном Махониным, составила антологию поэтов Лианозовской школы "Воры будничных мгновений" (*Zloději všedních okamžiků*). Переводила на чешский язык произведения многих российских авторов - Людмилы Улицкой, Андрея Платонова, Оксаны Васякиной, Марии Степановой, Тамары Петкевич. В 2023 году дебютировала с романом "Хелла", посвященном жизни узницы ГУЛАГа писательницы Елены (Хеллы) Фришер. Оказавшись в России 1930-х годов, Фришер пережила расстрел мужа, отсидела десять лет в Севжелдорлаге, была повторно арестована в 1948 году и сослана в Сыктывкар (1951-1956). После освобождения до своей смерти в 1984 году жила в Москве. Эта книга - лауреат двух чешских литературных премий. В 2026 году

вышел новый роман-эссе Махониновой "Как ты думаешь, что он видит?" - о семейной паре, пытающейся приручить бродячую собаку.

Муж Алены Махониновой Ян Махонин, поэт и переводчик произведений Варлама Шаламова, Николая Лескова, французской прозы - представитель известной в стране чешско-русской семьи Махониных, в 1919 году эмигрировавшей из охваченной Гражданской войной России в Чехословакию. У морского офицера Константина Махонина и его жены, чешской медсестры Йиндришки Гораковой, было три сына: Сергей (отец Яна, 1918-1995) стал известным пражским театральным и литературным критиком, переводчиком, Владимир (1920-1990) - выдающимся чехословацким архитектором, Павел (1927-2008) - видным социологом.

Мой роман может быть интересен и людям, которые интересуются не просто книгами, а книгами о других книгах, тем, как можно смотреть на мир через литературные тексты других авторов. В "Хелле" таких текстов очень много. Это, во-первых, основные тексты, вокруг которых возник сюжет – воспоминания самой Хелены. Во-вторых, это роман, прототипом которого стала Хелена Фришер, произведение чешского автора первой половины двадцатого века Иржи Вейла. Его книга называется "Москва-граница" и описывает как раз жизнь иностранцев в СССР в начале тридцатых годов. В-третьих, это также лагерные мемуары Тамары Петкевич. Речь идет также не только о текстах, которые создают ткань моего повествования, но и о текстах, вообще не связанных с историей о Фришер – тех, через которые я как автор воспринимаю действительность. Это поэзия Всеволода Некрасова, Яна Сатуновского, Геннадия Айги, проза Полины Барсковой, Марии Степановой. Вот три важных для меня момента в понимании книги. Надеюсь, они станут важными и для моих будущих читателей.

– У каждого литератора свое время для вхождения в литературу, тут нет молодых и старых. Но тем не менее, учитывая профессию (а вы профессиональный переводчик и филолог), можно сказать: вы довольно поздно дебютировали как писатель, переработав прежде не одну сотню текстов на иностранном языке. Скажите, как происходит переделывание переводчика в писателя?

“ В "Хелле" я решила шагнуть в литературу полностью, именно "решила", а не "осмелилась"

– Я часто говорю о том, что перевод убивает мое собственное письмо, как бы громко это ни звучало. При переводе перед вами уже лежит готовый текст, и вы только следуете тому, что задано. У вас готовые мысли, для которых вы подбираете подходящие слова. А когда надо что-то написать самостоятельно, важно вначале подобрать мысль и только потом оформить ее в конкретные слова. Перевод принуждает к лингвистическим ограничениям, ты перебираешь,

отбрасываешь слова на собственном, родном языке. Это затрудняет внутреннюю работу, так что я хотела бы отказаться от перевода. Но это, наверное, несбыточная мечта: существует множество текстов на русском, которыми я хочу поделиться с чешским читателем.

Я бы точно себя не назвала профессиональным переводчиком, переводы я воспринимаю скорее как побочный эффект филологической работы. Филология для меня – попытка как можно лучше понять текст, как можно глубже в него проникнуть. Я в основном пишу для чешской публики о русской литературе, большинство моих читателей не знает русского языка. Чтобы на равных обсуждать с публикой мои любимые тексты, мне нужно вначале предоставить публике возможность эти тексты прочесть.

В принципе, я всегда занималась писательским творчеством, пусть писала не романы, но даже публицистические и научные работы воспринимала на грани художественного. В "Хелле" я решила шагнуть в литературу полностью, именно "решила", а не "осмелилась". Сам материал диктует форму подачи, избранная мною история лучше всего подходит для художественной литературы. Мое писательство – частично еще и от безвыходности: я уже много лет нахожусь в свободном плавании, так есть ли смысл писать академические тексты, если ты не строишь научную карьеру? Естественно, историю Хелены Фришер можно было рассказать и просто как биографию, но для меня в этой истории было намного важнее понять и выразить, как она переплетается с моим личным опытом, в том числе и поэтому художественная форма показалась мне более подходящей.

Ну и скажу в полушутку: в привязанности к переводу есть практический момент, потому что за перевод все-таки платят, а за собственное творчество – далеко не всегда.

– Алена, есть популярная теория о сходстве русской и чешской культур, русского и чешского мировосприятия вообще. С этой теорией безуспешно пытались бороться многие поколения чешских интеллектуалов, от Карела Гавличека-Боровского до Милана Кундеры. Вы писали "Хеллу" на чешском языке, полагаю, прежде всего ориентируясь на чешский книжный рынок, тем более, что в книгу включены ваши личные впечатления от событий новейшей истории России. Это и "белоленточное движение", и аннексия Крыма, и события, предшествовавшие полномасштабной российской агрессии против Украины. Реакции русскоязычного читателя могли бы быть другими, нежели реакции чешского читателя. Возникает вопрос об авторском переводе книги, в котором вы могли бы учесть эту разницу восприятия. Вы не думали о том, чтобы самостоятельно сделать перевод "Хеллы" на русский, и если думали, то почему этого не сделали?

– Я начала работать над романом "в перерыве", когда мы уехали из России и три года находились в Чехии, после чего опять вернулись в Москву. "Хелла", таким образом, рождалась в чешском контексте, поэтому и рождалась по-чешски. Вновь оказавшись в России, я думала о том, не перейти ли теперь на русский язык, в среду которого я снова погрузилась, не станет ли мне проще? Я стала было уже написанный текст переводить на русский, но тут поняла, что у меня получается совершенно другой текст. И не только потому, что я учитываю какие-то моменты, которые понятны русскому читателю, но непонятны чешскому, – сама структура текста менялась. Я поняла, что написано уже так и столько уже написано по-чешски, что вот таким образом перекопать роман слишком сложно. Я вернулась к своему родному чешскому. Когда возникла идея издать роман в России, то уже с этим опытом попытки собственного перевода я подумала: все-таки русский читатель должен получить именно тот роман, который я написала по-чешски. Тем более, что нашлась прекрасная переводчица Ольга Назарова, которая с радостью взялась за эту работу.

Для меня было очень важно, чтобы за мой текст кто-то взялся не потому только, что получил заказ, а потому еще, что с ним самим этот текст как-то резонирует. Это авторизованный перевод, я все читала, где-то даже и переписывала, это была сложная совместная работа. Ольге я очень благодарна за терпение, потому что "живой автор" – это, как я себе теперь представляю, кошмар. Я рада, что мои русские авторы не знают чешского языка, поэтому не могут меня мучить, оставляя мне свободу переводить так, как я сама понимаю их тексты.

Мне кажется, язык, на котором человек пишет, во многом диктует содержание текста. Многие русские авторы, которые оказались за границей, стоят перед этим вопросом - на каком языке писать и для кого, собственно говоря, писать? Если ты находишься за границей и продолжаешь писать по-русски, то даже в наши времена, когда относительно легко можно благодаря интернету распространять информацию, читательская аудитория в России оказывается для тебя недоступна. Я знаю, что есть авторы, которые живут за границей и продолжают публиковаться в России, потому что там действительно находится их читательский круг. Я знаю и авторов, которые пытаются переходить на язык той страны, в которой живут. Это, может быть, для кого-то тоже выход.

– Вы начали заниматься русской филологией в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Я примерно в то же время приехал в Чехию и помню, что Россия тогда в этой стране воспринималась многими как возникающая демократия. Были светлые ожидания, и вот теперь они разбиты. Поколение русистов старше вас, которые занимаются "великой русской культурой", по всей Европе разделено. Кто-то продолжает изучение Пушкина и Толстого, как и полвека назад, в классическом стиле, ничего не меняя в подходах, а кто-то занимается неподцензурной русской литературой, старой или новой литературной эмиграцией, пересматривает соотношение между русской и украинской литературой. У вас под воздействием политических событий произошёл пересмотр отношения к русской литературе, к русской культуре вообще?

“ В мире творится столько ужасов, что невозможно просто так сбежать в литературу

– Мне кажется, я никогда в жизни не произнесла слов "великая русская культура". Для меня это просто русская культура, без эпитета "великая". Мне кажется, что мой ответ на ваш вопрос звучит так: "Нет!" Мое отношение к русской культуре не поменялось, я думаю, по одной простой причине: я всегда занималась литературой, которая противостояла строгой партийной линии, которые была свободна от государства. Вспоминаю слова Людмилы Улицкой (книги которой, кстати, я тоже переводила на чешский): государство всегда в конфликте с частным человеком. Литература, которая меня интересовала, стояла в стороне от государства. Для меня хорошим ориентиром был Всеволод Некрасов, и не только его поэзия, но и его принципиальная жизненная позиция, его эмблематические стихи про свободу: свобода есть свобода, и ничто другое. Вторым ориентиром, наверное, можно назвать лагерные рассказы Варлама Шаламова. Вокруг этого костяка сосредоточивались все мои дальнейшие литературные интересы. Это тексты, которые, на мой взгляд, выдержали проверку войной.

Другое дело, что за четверть века менялись мои личные предпочтения. Пару дней назад я стала было перечитывать "Школу для дураков" Саши Соколова, эта книга у меня как-то всегда была связана с летним ощущением. Безусловно, потрясающая книга, но сегодня она не вызывает во мне никакого отклика, я не могу отдаться этой поэтической красоте. Мы живем в мире, где творится столько ужасов, что невозможно просто так сбежать в литературу. Я, как, наверное, и многие другие, стала возвращаться к таким текстам, как записки Лидии Гинзбург или письма из эмиграции, которые Марина Цветаева отправляла своей чешской подруге Анне Тесковой. И это тоже тексты, ценность которых в связи с вторжением России в Украину не меняется.

– Вы сами задали этот вопрос в видеопрезентации своей книги для "Пражской книжной башни": что вас так долго держало в стране, власти которой уничтожают собственных граждан и из которой многие хотели бы уехать? Вот вы упомянули о "вопросе дома", важном для героини вашего романа Хелены Фришер и важном для вас самой. Почему невозможно оторваться от места, которое становится все более и более опасным? Как вы это объясняете применительно к себе?

> **“ Русские люди для меня неотделимы от русских пространств**

– Сложно сформулировать в двух словах, мне для ответа потребовалось написать книгу на 250 страниц. Думаю, меня в России держали прежде всего люди, мои друзья. Об этом, кстати, пишет и Хелена Фришер в своих письмах. Это люди, которых я встретила, очень много очень разных людей, которые сейчас разбросаны по всему миру: поэты, писатели, студенты, мои коллеги-филологи, танцовщицы, даже один дворник. О двух очень близких мне женщинах я пишу и в "Хелле", описываю кухни, на которых мы с ними сидели.

Русские люди для меня неотделимы от русских пространств. Помимо людей, это и книги, к которым меня зачастую эти люди приводили. Или, наоборот, книги, которые приводили меня к людям – как, например, воспоминания Тамары Петкевич, о которых я впервые услышала как раз по "Свободе", в передаче Дмитрия Волчека. Сразу побежала покупать эти воспоминания, и, прочтя их, позвонила Тамаре Петкевич. Третья вещь – это ландшафт, о котором я, кстати, много пишу в своей новой, пока последней книге. Русский ландшафт совпадает с моим внутренним ощущением, хотя я родилась в маленькой стране. Мне очень подходят русские просторы, в которых можно затеряться, в Чехии мне всегда как-то тесно. Чехия сжата в кольце гор, здесь как будто на меня все всегда падает. Что касается опасности, о которой вы говорили – то к этому привыкаешь, как-то перестаешь замечать.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Когда Сталин умер, я танцевала"

– Я-то как раз одной из главных русских бед считаю необъятность этой страны, огромные просторы, которые люди не ценят, которые не умеют освоить и которых им почему-то мало. А вы находите объяснение или оправдание действиям Кремля, пассивности русского народа и хотя бы латентной поддержке войне или непротивлению ей?

– Мне кажется, ни у кого ответа на ваш вопрос нет, есть только какие-то предположения. Одним из этих предположений я бы назвала страх, который зачастую ведет к агрессии. Достаточно посмотреть на мир животных: кто-то от страха прячется в угол, а кто-то нападает, чтобы внушить страх другим. Я это понимаю, когда смотрю на свою перепуганную собаку, которая оскаливает зубы так, что во мне все сжимается. Да – страх, недоверие к другим, неуверенность в себе. Что касается оправдания действий Кремля, то какое тут может быть оправдание? Его просто не может быть.

> **“ Рядом с нами всегда есть кто-то другой, кто ситуацию может воспринимать совсем не так, как мы**

Я бы добавила: мне кажется, у меня никогда не было и сейчас нет очарованности Россией. Моя книга как раз выросла из непрестанного ощущения угрозы, книгу я писала, как своего рода предостережение. Еще вы говорили о пассивности россиян, тут, мне кажется, я не совсем вправе говорить о людях, которые остались в России, тем более как-то судить их. Я же вне опасности нахожусь за границей! Мне кажется, не все люди, которые остались в России, пассивны, просто их поступки не всегда видны. Это, может, и небольшие поступки, их нельзя предавать огласке, потому что если о них начать говорить, то даже небольшое сопротивление разрушится. Оттого и складывается впечатление, что большинство поддерживает режим. Но я все равно хочу верить, что в России найдутся люди, которые смогут изменить ситуацию. Я уверена, что это должно произойти и что это произойдет именно изнутри – при поддержке извне, но все-таки изнутри. Это не случится завтра, но я очень надеюсь, что когда-нибудь случится.

– Русская литература раскололась в последние годы. Сошлюсь на образ, придуманный Борисом Акуниным: о ледяном материке и айсберге, который от материка откололся и уплывает все дальше. В одной аннотации вас лестно назвали "главным проводником интеллектуальной российской прозы в Чехии". Что это за проза в вашем понимании, есть ли к ней вообще к Чехии интерес, учитывая охлаждение отношений между двумя странами? По-другому можно так сформулировать: что вы сейчас переводите или что бы перевели сейчас?

– Я бы продолжила образ, придуманный Борисом Акуниным. Моя преподавательница русской литературы из Карлова университета Милуше Задражилова, когда описывала предыдущие волны русской эмиграции, использовала образ **о**строва: литературная Россия распалась на разные острова. Так что акунинские айсберги могут постепенно превратиться в острова. Это действительно катастрофическая ситуация, нечего и говорить!

Что я сейчас перевожу? Осенью выйдет последний том трилогии Оксаны Васякиной. Я работаю над переводом прозаического дебюта Еганы Джаббаровой, над "Дневником конца света" Натальи Ключарёвой. Это всё книги, которые описывают настоящее или совсем недавнее прошлое через личный опыт. Это должно быть интересно чешскому читателю, все-таки в стране есть люди, которым хочется понять, что происходит в сегодняшней России. Хотя вы правы: интерес к русской литературе в Чехии падает, и с каждым годом все сильнее.

– Вы упомянули несколько имен русских литераторов, все они женщины. Вы переводили еще и Марию Степанову, и Людмилу Улицкую. Случайно так вышло, что это все женская проза?

Книга "Как ты думаешь, что он видит?" @ Nakladatelství Maraton

– Я думаю, что сначала это была случайность. Когда-то, очень давно, я начала переводить Улицкую, это вообще была первая женщина-автор, к работам которой я обратилась, как раз в связи с тем, что все-таки надо было посмотреть на "женскую литературу". И потом заметила, что постепенно занимаюсь только авторками. Мне кажется, что теперь в этом уже нет никакой случайности. Это действительно письмо, которое как-то резонирует внутри меня. Все-таки есть для меня разница между тем, как пишут мужчины и как пишут женщины. Это не только тематическая разница, это и подход к любой теме через личное, через телесное, через внешне незначительные детали. Это для меня самой очень важно, я чувствую себя включенной в женский писательский круг.

– Мы с вами как раз завершаем круг: начали с разговора о вашей первой книге и сейчас подходим к разговору о только что вышедшем в Чехии вашем новом романе-эссе "Как ты думаешь, что он видит?", видимо, так верно перевести название на русский. Эта книга – об опыте семейного существования с принесенной с улицы собакой. Вы не раз говорили о том, что "Хелла" – не только о вашей героине, но и о вашем взгляде на мир. Полагаю, то же можно сказать о новом романе. Скажите, насколько эта книга автобиографична? Вот вы упомянули собаку, с которой сейчас общаетесь. Это та собака, про которую вы написали книгу?

– Это и она, и не она. Новый роман автобиографичен приблизительно в такой же

мере, как и "Хелла". Отдельные факты могут быть правдивыми, но все повествование сконструировано в моей голове, все придумано. Это рассказ о супружеской паре, которая спасает щенка с улицы. По крайней мере, они думают, что спасают щенка. Вопрос в том, что думает сам щенок, может быть, для него это похищение, а не спасение. Это рассказ о том, что рядом с нами всегда есть кто-то другой, кто ситуацию может воспринимать совсем не так, как мы. Это попытка, а может быть, и призыв больше прислушиваться к другому. А наша собака из России, из фабричного двора в городе Кимры. Мы с мужем часто шутим, что это такой наш собственный передвижной кусок России, такой же непредсказуемый, – рассказала Радио Свобода чешская писательница, переводчик и филолог **Алена Махонинова**.

Андрей Шарый

Интервью | Культура